ПЕРВЫЕ РУССКИЕ ПОЭТЫ У ЯПОНЦЕВ

ЕСИКАДЗУ НАКАМУРА*

1

С лета 1811 г. до осени 1813 г. русский моряк, капитан В.М. Головнин находился в плену у японцев на о. Эдзо (ныне Хоккайдо).

После неудачного посольства Резанова, когда предложение о заключении договора с Россией было в Нагасаки отвергнуто, русские морские офицеры Н.А. Хвостов и Г.И. Давыдов, в 1806 и 1807 гг., на двух кораблях Российско-американской компании напали на японские селения на Сахалине и островах Курильской гряды, и увезли с собой несколько японцев в Охотск. Уведомленное об этом *бакуфу*, правительство феодальной Японии, издало инструкцию об "удалении русских судов из японских гаваней", и сразу же приказало северным княжествам страны отправить отряды на Эдзо и южные Курильские острова для того, чтобы усилить охрану побережья ввиду возможного нападения русских.

На самом деле, этого не было, а в июле 1811 г. японский гарнизон на о. Кунашире, одном из Курильских островов, лежащем недалеко от Эдзо, захватил в плен капитана Головнина, офицеров Мура и Хлебникова, четырех матросов, и переводчика-курильца Алексея, которые на военном шлюпе "Диана" производили съемку в этих водах и высадились за питьевой водой на остров. Оттуда русских моряков перевели в г. Хакодате на Эдзо и потом дальше в г. Мацумае, тогдашний административный центр острова.

Благодаря большим хлопотам капитана-лейтенанта П. И. Рикорда, старшего офицера "Дианы", *бакуфу* было заверено в том, что действия Хвостова и Давыдова не были одобрены Петербургским правительством, и освободило пленников осенью 1813 г.

Возвратившись на родину, Головнин написал книгу о годах, проведенных в заточении, которая содержит много точных и проницательных наблюдений о Японии и ее народе. Эта книга в трех частях вышла в свет в 1816 г. в Петербурге под названием: *Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах. С приобщением замечаний его о Японском государстве и народе.*

Книга завоевала широкую популярность и сразу появилась в переводах на несколько европейских языков. Даже японцы, несмотря на политику закрытых дверей, узнали об этой книге, и Баба Садзюро, один из переводчиков, общавщихся с самим Головниным в Мацумае, начал переводить ее с голландского на японский через восемь лет после того, как он расстался с автором.

В 1818 г. Головнин был избран почетным членом Вольного общества любителей российской словесности. В том же году, его избрали и членом-корреспондентом Академии наук.

* Ассистент профессор (*Jokyōju*) русского языка и литературы.

Само собой разумеется, что его *Записки* являются ценным источником по истории Японии начала XIX в. (Надо принять во внимание, что в самой Японии в то время не было ни одного иностранца, кроме немногих голландцев и китайцев в Нагасаки, единственном открытом порту на западе страны.) Одна из заслуг В.М. Головнина еще в том, что рассказывая японцам о европейской жизни, он был первым, кто познакомил их с русской поэзией.

2

Во время своего пребывания среди японцев на о. Эдзо, Головнин читал японцам оду Державина "Бог".

В третьей части *Записок* Головнин пишет: «В отечественной истории и землеописании японцы все сведущи: чтение исторических книг составляет любимое их упражнение. В живописи, в зодчестве, в скульптуре, в гравировании, в музыке и вероятно в поэзии они далеко отстали от всех европейцев.» И к фразе "и вероятно в поэзии" автор прилагает подробное примечание:[1]

> Впрочем это еще сомнительно; может быть, и у них есть поэты не хуже наших. Однажды ученые их меня просили написать им какие-нибудь стихи одного из лучших наших стихотворцев. Я написал Державина оду *Бог*, и когда им ее читал, они отличали рифмы и находили приятность в звуках; но любопытство японское не могло быть удовольствовано одним чтением: им хотелось иметь перевод сей оды; много труда и времени стоило мне изъяснить им мысли, в ней заключающиеся; однакож напоследок они поняли всю оду кроме стиха:
>
> Без лиц в трех лицах Божества!
>
> который остался без истолкования, об изъяснении коего они и не настаивали слишком много, когда я им сказал, что для уразумения сего стиха, должно быть истинным християнином.
>
> Японцам чрезвычайно понравилось то место сей оды, где поэт, обращаясь к богу, между прочим говорит:
>
> И цепь существ ты мной связал.
>
> При сем же случае, удивляясь высоким мыслям сочинителя, показали они, что постепенное шествие природы от самых высоких к самым низшим ее творениям, и им не безызвестно. Стихотворение сие до того понравилось губернатору, что он велел просить г. Мура написать его для него кистью на длинном куске белого атласа, и потом отправил вместе с переводом к своему императору. Японцы нас уверяли, что сия ода будет выставлена на стене в его чертогах наподобие картины.
>
> Когда мы им сказали, что сочинитель сей оды есть русский вельможа и занимал некоторые из первых государственных мест, то они дали нам знать, что и у них были знатные люди и даже государи, которые любили заниматься науками, а особливо поэзиею. Одно обстоятельство заставило меня не доверять, чтобы японцы имели хороших стихотворцев: они утверждали, что поэту

[1] В. М. Головнин, *Записки* . . . , ч. 3, стр. 25–26.

ненужно природного дарования, и что человек может сделаться поэтом посредством учения: по их мнению, одни лишь геройские качества даются природою, а все прочие можно приобрести.

Кто же слушал оду Державина? В то время в Мацумае было четверо переводчиков: Уэхара Кумадзиро, Мураками Тэйсуке, Баба Садзюро и Адати Санай. Пятидесятилетний Уэхара был, собственно говоря, толмачем-переводчиком айноского. По словам Головнина, он "не очень понимал по-русски". Мураками, местный чиновник—он был гораздо моложе Уэхара—, учился русскому у Головнина. Своими большими успехами в изучении языка, достигнутыми за короткий срок, он поразил своего учителя. Баба и Адати прибыли в Мацумае весной 1813 г. из г. Эдо (ныне Токио). Оба они работали в обсерватории столицы—бывшей своего рода академией наук: первый переводчиком голландского языка, а другой математиком и составителем календаря. Есть основания полагать, что уже в Эдо они освоили начальную грамматику русского языка. Их учителем был Дайкокуя Кодаю.[2] Унесенный на корабле морскими ветрами, он попал с товарищами в Россию, где прожил десять лет и вернулся в Японию из России в 1792 г. вместе с партией первого русского посла А. К. Лаксмана.

Нет сомнения в том, что *учеными*, которые просили Головнина написать русские стихи, были Баба и Адати, так как только их упоминает он как ученых в своих *Записках*.

Баба, в частности, был талантливым лингвистом. Он родился в 1787 г. в семье переводчика голландского языка в Нагасаки. Профессия эта была наследственной в период феодализма в Японии. Молодой Баба изучал голландский у Накано Рюхо, первого японского ученого, который систематизировал грамматику европейского языка. Слухи о необычайной одаренности Баба дошли до Эдо, и так как интерес властей к России возрос в связи с посещения русского посла Н. П. Резанова и последующими набегами Хвостова, то его пригласили в столицу. *Бакуфу*, приняв его в отдел переводов обсерватории, велело ему переводить европейские книги, относящиеся к северной соседней стране. Кроме голландского и русского языков, у него были также знания английского и французского.[3]

Хотя Баба умер сравнительно молодым в 1822 г., он оставил после себя множество работ, в том числе грамматику голландского языка, перевод энциклопедического словаря, написанного на голландском языке, перевод русской книги[4] о прививании коровьей оспы, вышеупомянутый перевод *Записок* Головнина,

[2] О Кодаю см. мою статью, Эпизоды из истории русско-японских отношений, *Hitotsubashi Journal of Arts and Sciences*. Vol. 11, No. 1, 1970.

[3] Головнин помогал Баба и в изучении французского языка. Между прочим, перед отъездом из Японии, он подарил Баба *Полный французский и российский лексикон, с последнего издания Лексикона Французской Академии на российский язык переведенный*, 2-е Изд. Спб., 1798. Первый том словаря теперь хранится в библиотеке Университета Хитоцубаси и второй том в библиотеке "Аой-бунко" в г. Сидзуока.

[4] Здесь имеется в виду *Способ избавиться совершенно от оспенной заразы*, Спб., 1803. Эту книгу привез в Японию Городзи, один из японских сторожей на о. Итурупе, которых Хвостов увез с собой в Охотск. Городзи вернулся на родину в 1812 г., когда Головнин был еще в Мацумае. Книгу ему подарил один русский врач в Сибири. В *Записках* Головнин пишет, что он помогал Баба переводить ее на японский язык (ч. 2, стр. 154–155). Перевод печатался в 1820 г. Это был первый перевод на японский язык русской печатной книги.

также перевод русской грамматики, написанной Головниным (о которой скажем ниже), и т. д.

Как Головнин и догадывался, у японцев того времени была собственная поэзия. Мало того, почти все образованные японцы были поэты в широком смысле слова. Не будет преувеличением сказать, что условием sine qua non для японского интеллигента было умение сочинять либо *канси*—рифмованные стихотворения на китайском языке, либо *вака* или *хайку*—своего рода силлабические стихи на японском в традиционных формах. Отсюда, видимо, и утверждение японских *ученых*, что человек может стать поэтом посредством учения.

Но японским ученым, должно быть, очень трудно было уразуметь христианские понятия в оде Державина. С начала XVII в. по третью четверть XIX в. в Японии под угрозой смертной казни было запрещено исповедовать христианскую религию. Сама политика изоляции от внешнего мира произошла от антипатии властей к католицизму и его проповедникам.

Здесь излишне было бы говорить о "Боге" Державина. Ниже приведем первые четыре строфы оды,[5] содержащие два стиха, цитированные Головниным в *Записках*. Головнинские цитаты не дословно совпадают с известным нам текстом произведения Державина. Жаль, что до наших дней не дошел ни текст оды, написанный кистью Муром на белом атласе для украшения императорских чертогов, ни японский перевод, над которым ученый японец трудился вместе с русским капитаном.

О ты, пространством бесконечный,
Живый в движеньи вещества,
Теченьем времени превечный,
Без лиц, в трех лицах божества!
Дух всюду сущий и единый,
Кому нет места и причины,
Кого никто постичь не мог,
Кто всё собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет,
Кого мы называем: *бог*.

Измерить океан глубокий,
Сочесть пески, лучи планет
Хотя и мог бы ум высокий, —
Тебе числа и меры нет!
Не могут духи просвещенны,
От света твоего рожденны,
Исследовать судеб твоих:
Лишь мысль к тебе взнестись дерзает,
В твоем величьи исчезает,
Как в вечности прошедший миг.

[5] Г. Р. Державин, *Стихотворения*. (Библиотека поэта. Большая серия) Л., 1954, стр. 114–115.

Хаоса бытность довременну
Из бездн ты вечности воззвал,
А вечность, прежде век рожденну
В себе самом ты основал:
Себя собою составляя,
Собою из себя сияя,
Ты свет, откуда свет истек.
Создавый всё единым словом,
В твореньи простираясь новом,
Ты был, ты есть, ты будешь ввек!

Ты цепь существ в себе вмещаешь,
Ее содержишь и живишь;
Конец с началом сопрягаешь
И смертию живот даришь.
Как искры сыплются, стремятся,
Так солнцы от тебя родятся;
Как в мразный, ясный день зимой
Пылинки инея сверкают,
Вратятся, зыблются, сияют,
Так звезды в безднах под тобой.

3

В библиотеке "Сэйкадо-бунко", филиале Парламентской библиотеки в Токио хранится составленная В. М. Головниным грамматика русского языка в шести тетрадях. Об этой книге сам автор пишет в своих *Записках*:[6]

> . . . ученый с переводчиком стали к нам ходить всякий день. Первого из них [Адати Санай—Е. Н.] мы называли академиком потому, что он был член ученого общества, соответствующего отчасти европейским академиям, а второго [Баба Садзюро—Е. Н.] именовали голландским переводчиком. Сей последний начал поверять все словари русского языка, прежде собранные и скоро их поправил и дополнил; он имел у себя печатный лексикон голландского языка с французским, и узнав от нас французское слово, соответствующее неизвестному им русскому, тотчас отыскивал его в своем словаре. Переводчик сей был молодой человек 27 лет и имел весьма хорошую память; зная уже грамматику одного европейского языка, он очень скоро успевал в нашем, что заставило меня написать для него русскую грамматику, сколько я мог ее припомнить.

Дальше идет следующее примечание относительно грамматики.

[6] В. М. Головнин, *Записки* . . . , ч. 2, стр. 111–112.

Я написал грамматику, довольно полную, я принужден был довольствоваться тем, что мог сыскать в своей памяти, и писал ее более четырех месяцев. В предисловии между прочим упомянул я, что если попадется она в руки кому-нибудь из русских или знающему русский язык, то надобно ему помнить, что я писал ее наизусть. Примеры же в ней все я помещал приличные нашим обстоятельствам, клонящиеся к сближению и дружбе двух империй, что японцам весьма нравилось. Они с величайшей охотою переводили мои тетради на свой язык и скоро кончили их, хотя они составляли все вместе добрую книгу. Теске [Мураками—Е. Н.] и Баба-Сюдзоро [sic] весьма хорошо понимали изъяснения грамматических правил, а особливо последний из них; им только не доставало времени учить наизусть их. Сверх сего я перевел для них на русский язык разговоры, помещенные во французской грамматике с голландским переводом, которые конечно голландскому переводчику будут весьма полезны для изучения русского языка.

Сэйкадоский список, к сожалению, не является ни подлинником Головнина, ни черновиком самого Баба Садзюро. По моему мнению, это копия более позднего времени. Но все-таки, насколько нам известно, он единственный сохранившийся список грамматики русского языка, составленной Головниным.

Два слова о библиографических данных рукописи.

Из шести тетрадей не хватает пятой. Формат рукописи—18.3 см×13 см (вторая тетрадь поменьше). Написано тушью, не пером, а кистью, довольно чисто. Первая тетрадь состоит из 24 листов, вторая из 32, третья из 18, четвертая из 35, и шестая из 28. На титульной странице четвертой и шестой тетрадей написано: перевел Баба, с помощью Адати, просмотрел Уэхара.

В начале первой тетради помещено небольшое предисловие переводчика, в котором он объясняет, как эта книга составлялась, и за ним следует русское заглавие книги н предисловие автора с японским переводом. Ниже публикуем весь текст предисловия Головнина. Орфографические ошибки в рукописи, в том числе *Головин* (вместо *Головнина*), исправлены. Матмае то же, что Мацумае.

Краткая грамматика российского языка
для господ японских переводчиков,
написанная Василием Головниным
1813 года в Матмае

Предисловие

Во время несчастного моего пребывания в Матмае, когда его Императорскому Величеству японскому императору благоугодно было повелеть своему правительству сделать сношение с русскими кораблями и через то открылись верные средства к надлежащему объяснению неприятных обстоятельств, навлекших столь много беспокойств обеим державам, последовавших от беззаконных поступков командира коммерческого судна Хвостова, тогда в знак истинной моей благодарности к достопочтенным японским начальникам взду-

мал я написать для их переводчиков краткую русскую грамматику, но как я не имел при себе никаких нужных для сего книг, то и писал из памяти; следовательно невозможно мне было составить оную без весьма многих недостатков и упущений; но я могу смело утверждать, что все то, что я мог припомнить, описано верно и с такою подробностию, какая, по моему суждению о сем предмете, мне показалась нужною.

Если кому из русских Бог определит видеть небольшое сие сочинение, тот не должен меня критиковать за ошибки; ибо он должен помнить, во-первых, что я человек морской, следовательно не слишком искусный знаток в словесных науках, а во-вторых, то что я писал сию грамматику для японцев, и потому употреблял такие слова и выражения, которые они могли бы легко понять.

Василий Головнин

Грамматика состоит из следующих разделов:

Этимология

Имя существительное, имя прилагательное (тетрадь первая)

Числительное, местоимение, глагол (тетрадь вторая)

Глагол (тетради третья и четвертая)

Синтаксис и просодия (тетрадь шестая)

Здесь мы не будем останавливаться на содержании этой книги. Коротко говоря, совершенно очевидно то, что автор намерен был довольно систематически описать грамматику русского языка, и у него были большие познания в школьной грамматике. Интересно заметить, между прочим, что классификация глаголов (действительные, страдательные, средние, возвратные, взаимные, общие и вспомогательные с одной стороны, и личные, безличные, правильные, неправильные, полные, неполные и изобилующие с другой) во многом совпадает с классификацией, принятой в *Письмовнике*[7] Н. Г. Курганова, стандартной русской грамматике того времени.

В шестой тетради в разделе "Синтаксиса", Головнин дает много выражений, которые служат примером объяснения грамматических правил. Есть, например, такие импровизированные предложения: "Если бы господа Теске, Баба, Санай и Вехара год пожили между русскими, то они знали бы русский язык совершенно." "Если бы Головнин в молодости больше читал, писал, занимался науками, и разговаривал с умными людьми, то не был бы он таким дураком, каким теперь вы его видите."

И рядом с такими примерами, автор ссылается на следующие стихотворения русских поэтов. Выделение курсивом обозначает, что слово принадлежит Сэйкадоскому списку, но не находится в подлинном тексте, а слово в скобках—наоборот.

---

[7] Имеется в виду Н. Г. Курганов, *Письмовник, содержащий в себе науку российского языка со многим присовокуплением разного учебного и полезнозабавного вещесловия.* (У пишущего эти строки книга 10-го издания.) Кстати, автор *Письмовника* был учителем самого Головнина, когда тот учился в Морском кадетском корпусе. См. Ю. Давыдов, *Головнин* (Жизнь замечательных людей) М., 1968, стр. 18.

О ты, что в горести напрасно
На Бога ропщешь, человек,
Внимай, *как* [коль] в *древности* [ревности] ужасно,
Он к Иову из тучи рек!
Сквозь дождь, сквозь вихрь, сквозь град блистая
И гласом громы прерывая
Словами небо колебал
И так его на распрю звал:

Ломоносов
[—Из "Оды, выбранной из Иова, глава 38, 39, 40 и 41"]

Везувий пламя изрыгает,
Столп огненный во тьме стоит,
Багряно [Багрово] зарево *сияет* [зияет]
Дым [черный] клубом вверх летит;
. . . . . .
Дрожит земля *гремит гром ярый* [дождь искр течет]
Ударам вслед звучат удары;
. . . . . .

Представь: по светлости лазуря
По наклонению небес
Взошла черно-багрово *туча* [буря]
И грозно возлегла на лес;
Как *шумна* [страшна] нощь, надулась чревом,
Дохнула с свистом, воем, ревом,
Помчала воздух, прах и лист;
Под тяжкими ее крылами
Упали кедры вверх корнями
И затрещал Ливан*т* кремнист.

Державин
[—Из оды "На взятие Измаила"]

Кумир, поставленный в позор,
Несмысленную *токмо* чернь прельщает
Но *если* [коль] художников в нем взор
Прямых красот не ощущает, —
Се образ ложныя молвы.
Се глыба грязи позлащенной!
И вы, без благости душевной,
Не все ль, вельможи, таковы?

Державин
[—Из оды "Вельможа"]

Переводчик Баба дает объяснение по-японски над каждым словом, и после каждой строфы снова переписывает весь перевод по стихам. Судя по стилю и выбору слов, он переводил русские оды XVIII в. на манер *канси*, т.е. китайской поэзии. На мой взгляд, его опыт художественного перевода удачен.

Однако, кажется, перевод русских стихотворений не получил широкой известности среди любителей литературы тогдашней Японии и не оказал никакого влияния на японскую литературу. Очень может быть, что *бакуфу*, следуя своей политике, запретило распространение книги русского офицера. Так до сих пор мало, кто знал даже о существовании Сэйкадоского списка русской грамматики Головнина.